

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1

В.С. Киселев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)¹

Статья посвящена описанию идеологического контекста «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданного князем Н.М. Кузюшевым в 1814 г. Выявляются интертекстуальные и содержательные переключки текстов антологии с официальными идеологическими документами Отечественной войны 1812 г. (высочайшими манифестами, указами, обращениями). Прослеживаются основные этапы стихотворно-идеологического осмысления военных событий от провозглашения особой роли нации в защите Отечества до перенесения заслуг по освобождению на императора и государство и финального признания Божественного промысла ведущей силой победы над французами.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., лирика, идеология.*

Форма альманаха только начала утверждаться в отечественной литературе после «Аглаи» (1794, 1795), «Аонид» (1796, 1797, 1799) и «Пантеона иностранной словесности» (1798) Н.М. Карамзина. Первые десятилетия XIX в. – время выявления ее коммуникативно-повествовательных возможностей, экспериментов с содержательной организацией. В итоге из всех функций альманаха на первое место выдвинулись репрезентативная и ценностно-ориентирующая – доведение до читателя текстов данного круга авторов, формируемого по кружковому принципу или с прицелом на сложившуюся иерархию литературных авторитетов. Следствием такой коммуникативно-повествовательной структуры являлось отсутствие выраженного концептуального задания. Оно поглощалось репрезентацией текущего литературного творчества.

---

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ, проект 11-04-00022а и фонда Президента РФ для поддержки молодых российских ученых, проект МД-3069.2011.6.

Для обретения программности требовалась дистанция вкупе с более строгими критериями отбора текстов. Так параллелью альманаха становился литературный сборник, имевший характер антологии. Этот тип сборника стремился к полному панорамному отражению избранной сферы литературного творчества, давая репрезентативный для определенного жанра набор текстов авторитетных авторов. Подобные издания, проникнутые духом универсализма, оказались самыми значимыми, по ним судили о развитии отечественной и состоянии иностранной словесности – по «Собранию русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (М., 1810–1815) В.А. Жуковского, по «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах/в прозе» (СПб., 1815–1817) А.Ф. Воейкова, В.А. Жуковского и А.И. Тургенева (см. подробнее в нашей статье [1]).

«Собранию стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814) в этом ряду принадлежит собственное значительное место – как благодаря важности осмысляемого события, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., так и благодаря литературной репрезентативности: здесь были собраны едва ли не все современные поэтические отклики от Г.Р. Державина и В.А. Жуковского до малоизвестных литераторов-дилетантов. Между тем сборник не стоит причислять к продуманным и тщательно организованным антологиям, призванным донести до читателя лучшее и наиболее показательное в отечественной словесности. Его составитель, князь Николай Михайлович Кугушев (1777 – не ранее окт. 1825), проживавший после отставки из армии в Тамбове и в пригородном имении Знаменское, не принадлежал к литераторам первого ряда и не отличался ярким талантом, выступая как рядовой последователь школы Н.М. Карамзина [2, 3]. В один год с «Собранием...» он выпустил в свет еще и сборник собственных поэтических произведений «Праздное время инвалида» (М., 1814), также организованный как простая сводка стихов разного времени, частью уже опубликованных в журналах, частью новых. Для Н.М. Кугушева главным при составлении «Собрания стихотворений» были не чисто эстетические мотивы, которые определяли композицию и отбор в антологиях В.А. Жуковского и, позднее, А.Ф. Воейкова. Поэт-солдат и поэт-патриот желал в первую очередь

сохранить в памяти читателя образ «незабвенного 1812 года», еще вполне живой и порождавший множество ассоциаций.

Эта насыщенность и многообразие легче всего укладывались в сентиментальную форму «безделок» и «досугов» – типа сборника, имитировавшего естественную пестроту жизни, полного контрастов, переходов от жанра к жанру и от одной стилистики к другой (см. подробнее о данном типе циклизации [4]). Так, мы не найдем в «Собрании...» какой-либо рубрикации, ни тематической, ни жанровой, ни по авторам; отсутствует здесь и упорядоченность хронологическая, по времени создания стихов или по смене их предмета – событий Отечественной войны и заграничных походов. Стихи идут сплошным потоком, как бы передавая безыскусную неупорядоченность самой действительности. Около 70 авторов, очень разных по художественным установкам и стилистике, 150 стихотворений, помещенных в сборнике фактически без редакторской обработки, порождают эффект мгновенного среза литературной жизни, ценного своим многообразием, пестротой и контрастностью.

Здесь мы встретим произведения убежденных архаистов, членов «Беседы любителей русского слова» (Г.Р. Державин, С.А. Ширинский-Шихматов, Н.П. Николев), и приверженцев Карамзина, как старшего (сам Н.М. Кугушев, П.И. Шаликов, В.Л. Пушкин), так и младшего поколения (В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.Ф. Воейков). Здесь есть столичные именитые авторы, петербуржцы и москвичи, и десятки провинциалов и дилетантов, вроде чиновника А.А. Никитина или купца И.В. Попова, а то и просто Калужского жителя (А.П. Степанов) и обитателя села Черная слобода. Произведения, крайне неровные по своему уровню – от новаторского «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского до эпигонских опусов вроде «Певца на гробах братьев-воинов россиян», идут здесь в калейдоскопической чередности стилистик и жанров – ода, «русская песня», элегия, шуточное стихотворение, подражание псалму, надпись к портрету, гимн, стансы и т.п.

Тем не менее сама тема произведений – грандиозное историческое событие – трансформировала тип «безделок», придавая хаотичности черты возвышенной значительности и даже монументальности. Это было общее направление в циклизации 1800–1810-х гг., искавшей интеграции в изображении одной жизненной сферы, в создании тематических подборок. Некоторые элементы подобной органи-

зации ощущались и в «Собрании...», где, при отсутствии строгой архитектоники, был пунктирно намечен как жанровый принцип расположения текстов – от эпической оды в начале частей («Гимн лиро-эпический» Г.Р. Державина) к россыпи малых жанров, в том числе игровых (надписи к портретам, эпитафии, акростихи), в конце. Последовательность произведений демонстрировала также и определенную привязку к хронологии Отечественной войны, хотя отступлений от нее не меньше, чем ее соблюдения.

Тем самым можно определить «Собрание...» как тематическую подборку стихов, заимствованных из журналов 1812–1814 гг. («Русский вестник», «Сын отечества», «Вестник Европы», «Друг юношества», «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Санкт-Петербургский вестник») и отдельных публикаций, в первую очередь московских (малотиражные издания од, которых относительно немного). Их скрепляющим элементом выступает исторический контекст, живая память о недавних грандиозных событиях – вторжении неприятеля, первых поражениях и оставлении городов, приезде императора Александра в Москву и сборе ополчения, битвах под Смоленском, при Бородино, Тарутино, известии о смерти М.И. Кутузова, победоносных заграничных кампаниях. В определенном смысле «Собрание...» можно воспринять как поэтическую хронику Отечественной войны: здесь нашли отражение не только большие, но и малые ее эпизоды вроде присяги русскому императору дезертиров из испанского полка Жозефа Бонапарта, на которую отозвался Д.И. Хвостов («На присягу испанцев в Сарском селе»), или сюжет из времени визита Александра I в Москву, ставший источником анонимных «Стихов, написанных по прочтении письма преосвященнейшего Платона, при котором препровожден к государю императору образ преподобного Сергия, игумена Радонежского».

Те или иные события образуют в сборнике внутренние блоки – о сборе ополчения, о кончине М.И. Кутузова, о Бородинской битве и т.п. Однако их сближает не только предмет, но и его осмысление. Как справедливо утверждал А.Л. Зорин, «конверсия идеологических конструкций, созданных изящной словесностью, в собственно идеологическую риторику, по крайней мере, не более сложная задача, чем трансформация идеологических клише в поэтическую речь» [5]. В «Собрании...» концентрированно, как ни в одном художественном произведении начала XIX века, отразилось идеологиче-

ское движение эпохи, подготавливающее и сопровождающее репрезентацию Отечественной войны в официальной идеологии и общественном сознании.

В этом аспекте антологию можно назвать идеологической хроникой эпохи. В ее стихах зафиксированы мгновенные отклики на многие высочайшие реяции 1812–1814 гг. Так, отзывом на именной рескрипт председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н.П. Салтыкову «О необходимости поднять оружие к отражению Французских войск от Российских пределов» стали «Стихи, писанные по прочтении в Московских ведомостях высочайшего рескрипта на имя графа Н.П. Салтыкова, от 13 июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Гр. Волкова. Они подхватывали центральный образ монаршего воззвания – лицемерие неприятеля и решимость сражаться за родину:

Внезапное нападение открыло явным образом *лживость* подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять *оружие*, и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих *угрожаемы*, они *защитят* их с свойственною им твердостью и мужеством. *Провидение благословит праведное наше дело*. Оборона *Отечества*, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу *оружия*, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем (курсив наш. – В.К.) [6].

Гр. Волков развил эти мотивы в героико-одическую картину вероломного нападения французов и самоотверженной защиты Отечества его храбрыми сынами, сохранив ключевые слова рескрипта как организующий центр:

К *оружию*! К *защите*, россы!
 Вам галлы гибелью *грозят*;
 Готовьте громы смертоносны
 И злобу отразите вспять;
 Рассейте сонмы сих *лукавых*,
Коварство тщитесь истребить;
Защитник Бог всегда есть правых:
 Мы пасть должны, иль победить!
 <...>

Все части света полны славой
 О ваших подвигах, делах:
 Пойдете вы – и путь кровавой
 Проложите в своих следах;
 Взмахнете меч – тьмы целы лягут,
 Или рассеются, как прах...
 И днесь нам россы, днесь докажут
 Любовь к *Отечеству* в сердцах!
 (курсив наш. – В.К.) [7. Ч. 2. С. 4–5].

Подобная идеологическая хроникальность выступает принципом большого числа стихотворений и в ряде случаев демонстрируется открыто, через заглавие. Таковы «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. Ламанского, «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытия его величества в Москву июля 12 дня» Н.П. Николева, «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С.Н. Глинки, «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н.И. Язвицкого, «Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» и др. К ним примыкают стихи, в которых образы, словесные обороты и стилевые формулы прямо или с небольшой трансформацией заимствуются из реляций и манифестов.

Тон здесь задает уже первый текст «Собрания» – «Гимн лиро-эпический» Г.Р. Державина, где мы найдем целый ряд отсылок к официальным документам, в том числе расшифровываемых самим автором в примечаниях. Например, комментарием «(12) Манифест об ополчении 6-го числа июля 1812 года» [7. Ч. 1. С. 23] сопровождаются стихи:

Уже блаженств своих с одра
 Россия внемлет глас царя,
 Зовущего на ополченье (12) [7. Ч. 1. С. 4].

Здесь же мы встретим упоминание о «реляции от 23 августа», «реляции от 27 августа» (о Бородинской битве), о «журнале о военных действиях от 16-го числа октября» (о сражении за Малоярославец) [7. Ч. 1. С. 27, 24]. Не менее яркий образец предлагают стихи

составителя антологии Н.М. Кугушева, в частности «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани», в которой перелагаются (с соответствующей отсылкой: «Слова высочайшего манифеста ноября 3 дня 1812 года») формулы официальной идеологии:

Во всей подсолнечной народы
Последний день своей свободы
В твоих все заревах почли... [7. Ч. 1. С. 200].

В оригинале эти слова звучали следующим образом: «Весь свет обратил глаза на страждущее Наше Отечество и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости» [8].

Циркуляция подобных риторических формул между правительственными документами и художественными текстами, причем как в одном, так и в другом направлении (в случае, например, «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского или «Освобождения Европы и славы Александра I» Н.М. Карамзина), делает наглядным процесс междискурсивного становления новой идеологической системы, призванной закрепить в массовом культурно-политическом сознании определенную интерпретацию событий Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов (см. о ней: [9; 10; 11; 5. С. 239–266]).

Контекстом ее выступал процесс нациостроительства, порожденный внутренними потребностями имперской культуры, вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Противоречивый процесс этнизации, общий вектор развития европейских империй XVIII – начала XIX в., требовал выработки разветвленных идеолого-символических систем, позволявших опознавать «свое», национально маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» метрополии, и проводить различие с «другим», составляющим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации-государства». В многонациональной России создание подобных идеологем, призванных сменить, а вернее дополнить, универсальные формулы лояльности царствующей династии, в эту эпоху только началось. Поиски национальных истоков, особый интерес к русской истории и традиционной допетровской культуре, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей – очевидные приоритеты поколения Н.М. Карамзина и

А.С. Шишкова, по-разному видевших направления имперской модернизации, но убежденных в необходимости консолидировать культурную и социальную элиту, укрепляя ее национальное самосознание (см. постановку этой проблемы в работах [12; 13; 14; 5. С. 157–266]).

Действенность идеологии «нации-государства» блестяще продемонстрировала революционная и наполеоновская Франция, сумевшая в сложнейших условиях не просто объединить население под лозунгами национального спасения, но и направить патриотизм, ощущение особой миссии нации на достижение экспансионистских целей. В Европе начала XIX в. этот идеологический и политический импульс претворился в ряде специфических стратегий нациостроительства, в частности в немецком романтическом национализме, чьи концепции оказали глубокое влияние на сторонников государственной модернизации во многих странах¹. При отрицательном отношении к французской (эгалитаристской) версии подобной идеологии в целом она оказалась созвучна российской культуре, принявшей иной ее вариант, когда опорой империи становится национально ангажированная дворянская элита².

События Отечественной войны 1812 г. выступили катализаторами процесса нациостроительства и рождения русского национализма, поставив перед общественным сознанием целый ряд проблем: новое понимание самодержавия, которое должно было приобрести национальную укорененность; преодоление или, по крайней мере, ослабление сословных перегородок, мешавших формированию единого национального целого; переосмысление статуса корпоративных социальных общностей, в частности армии, подразумевавших ее превращение из самодостаточного института в часть национального организма (см. о последнем аспекте в работе [17]). Литература эпохи

---

¹ Так, А.Л. Зорин отмечает влияние идей Ф. Шлегеля на становление модернизационной идеологической программы С.С. Уварова, а Е.Е. Земскова прослеживает рецепцию трудов Й.Г. Циммермана, Й.Х. Кампе и Э.М. Арндта в творчестве А.С. Шишкова и С.Н. Глинки [5. С. 352–359; 15].

² Последовательная история становления русской националистической идеологии в конце XVIII – первые десятилетия XIX в. еще не написана, хотя отдельные ее эпизоды анализировались в статьях и монографиях Дж.Л. Блэка, Р. Уортмана, А.М. Мартина, А.Л. Зорина, Л.Н. Киселевой, В.М. Живова, М.Л. Майофис и ряда других ученых, а о необходимости ее системного изучения еще в начале 2000-х гг. писал Р. Уортман [16].

в полной мере отозвалась на эти темы, став полем кристаллизации нового национального канона, призванного в наглядных сюжетах и образах солдат, полководцев, обычных мирных людей претворить идеал народного единства перед лицом врага – без различия сословий и занятий. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» предлагает в этом плане богатейший материал, ценный не только свежестью первоначальной, а значит эмоциональной реакции, но и, благодаря внутренней пестроте, разнообразием идеологического видения. Монолитные идеологические формы Отечественной война 1812 г. приобретет значительно позднее¹, и в антологии мы найдем, как в палимпсесте, наслоения разновременных, несходных в социальном и политическом плане и высказанных очень различающимися художественными языками идеологических конструкций. Важнейшей из них являлась категория нации – «русского народа», «россов», «русских», претерпевшая значительные видоизменения от июня 1812 до середины 1814 г. параллельно с трансформацией официальной идеологической позиции.

Само понятие нации, пришедшее из Европы еще при Петре I, активизировалось в отечественном политическом дискурсе, как констатировал А.И. Миллер, только к 1820-м гг., конкурируя с понятиями народа, народности, национальности [18] (ср. также [19]). Следы этого европейского генезиса вполне ощутимы в «Собрании...», где слово *нация* использовано дважды и только применительно к французам или представителям армии Наполеона: «Бонапарте выпускает // Разных *наций* хилой сброд» («Песня к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым июля дня, 1812» [7. Ч. 1. С. 181]); «Великой *нации* сыны непобедимы, // Победы, слава, спесь – в могиле сей лежат. – // – «Но кто ж их разгромил полки неодолимые?» – // Непобедимейших в лице гром, хлад и град!!!» («Надгробие французам на Руси» [7. Ч. 2. С. 247]) (курсив наш. – В.К.).

В противовес ему слово *народ* использовано в стихотворениях антологии 164 раза, причем в большинстве случаев подразумевается русский народ. Заметим, что этническая семантика в этом обозначении

---

¹ Лишь к 1830-м гг. в обстановке юбилейных торжеств память о 1812 г. вполне сойдется с программой уваровской «официальной народности» и предстанет как мифологическое воплощение семейного единства нации, о чем см. в работах [11. С. 193–202].

нии находилась на периферии, а на первый план выходила историко-политическая сема «население империи». Составным элементом здесь выступала и коннотация подданничества династии Романовых и определенному императору. Подобное понимание концепта сформировалось еще на рубеже XVIII–XIX вв. в обстановке повышенного интереса к национальной специфике – русской истории, языку, мифологии [20, 21, 22, 15]. Но реальность литературно-научным построениям придали события 1812 г., заставившие осознать «народ» и его «русскость» как актуальную данность, как самостоятельный субъект военного и политического противостояния.

Это действенное начало существенно определило поэтику стихов «Собрания...», в которой народ персонафицируется и наделяется голосом, чувствами, мыслями, поступками, что ощущается уже по заглавиям текстов (курсив наш. – В.К.): «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву» С.Н. Глинки, анонимная «Молитва русских при опоясании на брань», «Песнь русского воина перед сражением» Н.Ф. Граматина, «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» А.П. Степанова, «Чувствования русского в Кремле» Д.П. Глебова, «Чувствования Россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А.А. Волковой и др. Авторы и персонажи стихов выступают как представители огромного целого, слитого воедино органической общностью и допускающего легкую метонимическую замену: от имени народа может говорить любой – поэт, воин, житель тех или иных мест, город («Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих» М.А. Знаменского).

Столь активная сила требовала своего места в круге официально признанных субъектов идеологии. И единственным путем здесь на первом этапе войны стало отталкивание от монархической модели. Только самодержец или лицо / сословная группа / профессиональная корпорация (армия, чиновничество), которым монарх делегирует часть своих полномочий, в отечественных идеологических представлениях XVIII – начала XIX в. мог выступать полноценным актором на сцене политики и истории. Тем самым вхождение народа в идеологическое поле требовало легитимации со стороны императора, вызывавшего «россиян» на военное служение и передававшего

им собственные prerogative по защите Отечества. Так, в первом уже цитированном выше рескрипте от 3 июня 1812 года Александр I выступал как единственный субъект: «И потому не остается мне иного, как поднять оружие, и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силою.. <...> Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем» [6. С. 14]. Однако уже здесь не удалось избежать обращения к народу, хотя и фигурирующему лишь как собственность монарха: «Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих» (курсив наш. – В.К.) [6. С. 14].

В следующем манифесте от 6 июля 1812 г., написанном для императора А.С. Шишковым, одним из первых последовательных идеологов раннего русского национализма [23; 24; 25; 26; 5. С. 239–266], народ (пока в лице отдельных сословий) выступил как самостоятельный адресат монаршего внимания:

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему, Москве; а ныне взываем ко всем нашим верноподанным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единоклассным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединишь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют [6. С. 15].

Народ здесь рисовался уже единой мощной стихией, слитно чувствующей и совокупно действующей, без нее высочайшая власть лишалась опоры, возможности полноценно противостоять врагу. Образ монарха тем самым включался в общую перспективу, будучи лишь символическим средоточием национального организма, недаром формулы единства (наш, нами) проходят лейтмотивом через весь манифест. Сюжеты, предложенные А.С. Шишковым, воскрешали в памяти и еще один важный мотив – выборность династии Романовых, которая после событий Смутного времени и польско-литовской интервенции получила престол совокупной волей народа

и должна была дорожить семейственным единством с подданными (в отличие от самозванца Наполеона¹).

Риторика монаршего воззвания была подхвачена и воплощена в обширном ряде стихов «Собрания», в частности в «Чувствованиях верноподданного, возродившегося по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. Ламанского:

Сыны Отечества! Внемлите,
Что вам вещает царский глас;
Делами самыми явите,
Что дух геройской не угас;
Пред целым светом оправдайте,
Что в вас Пожарских кровь течет;
С благословеньем приступайте,
К чему вас долг и честь зовет!
Спасать Отечество спешите;
Оставьте жен, детей, родных,
На поле ратное летите;
Мечом врагов карайте злых,
Пусть лесь коварная узнает,
Колико страшен россов гнев:
Когда Отечество страдает,
То и младенец – духом лев.
Чего нам ждать? Мы ополчимся! [7. Ч. 2. С. 7–12].

В особенности популярными стали в поэзии эпохи образы героев Смутного времени и ополчения 1612 г. Они появляются в «Гимне лиро-эпическом» Г.Р. Державина, «Русской песне во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам» А.А. Никитина, «Стихах на кончину светлейшего князя Кутузова Смоленского» С.Н. Глинки, «Солдатской песне» И.А. Кованько и мн. др. Как указал А.Л. Зорин, активную разработку эти темы приобрели еще в 1806–1807 гг. в произведениях Г.Р. Державина, С.Н. Глинки, С.А. Ширина-Шихматова, М.В. Крюковского: «В написанных в эти месяцы произведениях писателям этого круга удастся предложить целостный набор идеологических метафор, разработать новую мифологию происхождения российской государственности, нащупать исторические аналогии для происходящих событий, поменять расположение фигур в национальном пантеоне» [5.

---

¹ См. о сюжете самозванства и его контексте в литературе 1812 г. в работе [27].

С. 186]. В годы Тильзитского мира сюжеты Смутного времени оказались временно невостребованными, но 1812 г. придал им новую актуальность, особенно как напоминание о союзе народа и царя, совершившегося немногим менее двухсот лет назад.

Эту формулу семейной общности, также густо замешанную на риторике шишковского манифеста, выразительно рисуют «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» Д.П. Горчакова:

Усердье зря своих сынов,
Твой царь к ним нежность усугубит;
Он зрел в нашествии врагов,
Как росс своих монархов любит.
Он видел, как дворянский род
За веру, за царя, народ,
Взгорел простерт к оружию длани,
Презря жен, дочерей токи слез,
Именье, кровь на жертву нес,
Как к пиршеству, летел ко брани.

За ним сословья все вослед,
Горя единодушным жаром,
Спешат на поприще побед
К врагу с решительным ударом;
Орадай, мещанин, купец,
Одним движением сердец
Карать злодеев вооружились;
Одним усердьем воспалюсь,
В сей горький для России час,
Отчизну защищать сдружились [7. Ч. 1. С. 80–81].

В развитии темы семейного единения скоро, однако, намечился внутренний дисбаланс, связанный с возможной расстановкой акцентов на монархическом или народном компоненте. В перспективе он породит раскол на официальную и декабристскую идеологическую версию Отечественной войны 1812 г. [28, 29, 30, 31, 32]. Первый вариант подразумевал полное подчинение нации воле императора и трактовку народной войны как жертвы за царя. Ее предложил, в частности, С.Н. Глинка еще в августе 1812 г., отзываясь на идеологический жест Александра I в виде июльского посещения Москвы. Р. Уортман интерпретировал этот шаг как попытку императора использовать в кризисной ситуации ресурс национальных чувств, ярко

воплощенных в «Воспоминании о московских происшествиях в достопамятный 1812 год от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы» С.Н. Глинки (опубликовано в 1814 г.) [33]. Стихотворным аналогом их явился «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву», где монарх предстал в роли отца нации, попечителя и защитника своих подданных, отвечающих ему самоотверженной любовью:

За Тебя мы все молились:
«Господи! Царя спаси!
Им одним мы все живились;
Жизнь в царе нам принеси!»
Бог хранит нас всех тобою.
Ты изрек: *нам враг грозит!*
Все мы жертвуем собою;
Бог, сам Бог нас ополчит.
Ополчит!.. пусть враг трепещет;
За царя-отца идем!
Пусть из ада смерть он мечет;
Победим, или умрем! [7. Ч. 2. С. 3].

Контекстом сюжетной ситуации «жертва за царя» также выступало значимое историческое событие эпохи Смутного времени – подвиг Ивана Сусанина, по легенде, пожертвовавшего собой ради спасения недавно выбранного царя Михаила Федоровича. Статью об этом сюжете, начавшем активно развиваться в литературе с 1800-х гг., С.Н. Глинка поместил в «Русском вестнике» в 1810 г., а в майском номере 1812 г. вновь его изложил в составе первой части «Опыта о народном нравоучении» (см. о генезисе сюжета в работах [34, 35]). Сюжет «жертвы за царя» был неразрывно связан с концепцией патерналистской монархии, развиваемой С.Н. Глинкой, с ее нерушимостью сословных границ и системой неотчуждаемых прав и обязанностей каждого сословия и корпоративной группы, гарантом чего являлся монарх – высшая, но неотрывная от целого часть общественной иерархии, подобной семье. Именно семейная модель общества составляла, согласно его взглядам, основу русского национального своеобразия [36, 37].

В полном объеме патерналистскую концепцию популярного журналиста не разделяли, конечно, все русские литераторы, но ее мотивы обнаруживаются в большом количестве текстов «Собрания...», где император обычно предстал в образе отца (всего около

60 употреблений), как в стихах С.Н. Марина «Ода на победы над врагами», что свидетельствует об установлении прочной идеологической связи между самодержавием и представлением о нации:

Но может ли что нам злодейство,
Где весь народ одно семейство
И царь где подданным отец? [7. Ч. 1. С. 72].

В свою очередь перенос акцента на монархическую легитимацию народной стихии приводил к метонимическому слиянию, в рамках которого заслуги по освобождению отечества автоматически переносились с подданных на царя. Эта тенденция стала вполне очевидной уже к октябрю 1812 г., когда на волне военных успехов необходимость во всенародной защите отечества стала менее острой, а затем и совсем пропала. Индикатором идеологической перемены здесь выступает не только смена официальной риторики, но и изменение жанрового состава стихов. Большая сосредоточенность на персональном аспекте – на образе императора, а также на образах полководцев, выступающих символическими субститутами монарха, – повышала актуальность жанра оды («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П.В. Голенищева-Кутузова, «Ода на освобождение Москвы» И. Ламанского, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, непрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И.А. Кованько, «Ода на чудесные российские победы» М.И. Невзорова и др.). Влияние ее поэтики чувствуется и в сентиментальных по генезису жанрах «чувствований», «песни», «гласа», «молитвы», стихов «на случай», доминировавших в начальный период войны (см. об этом процессе в более широкой хронологической перспективе в работе [38]). Одическая стилистика, предполагающая возвышение предмета, придавала образу царя все больший героический ореол и способствовала в итоге новому витку сакрализации государственного начала – в противовес началу народному, отступавшему на смысловую периферию (см. о риторике 1812 г. как истоке новой сакрализации монархии в работах [39, 40, 41]).

Литература

1. Киселев В.С. «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // Русская литература. 2008. № 2. С. 3–15.

2. *Кочеткова Н.Д.* Кугушев Николай Михайлович // Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. М., 1994. Т. 3. С. 197–198.
3. *Дмитриев Л.А.* Кугушев Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 108–109.
4. *Киселев В.С.* Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 90–122.
5. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 27.
6. *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.:* Сб. док. М., 1962. С. 14.
7. *Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году:* в 2 ч. М., 1814.
8. *Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества //* Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17–24. С. 146.
9. *Предтеченский А.В.* Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. Т. 31. [М.,] 1950. С. 222–244.
10. *Лотман Ю.М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 601–611.
11. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
12. *Киселева Л.Н.* Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1982.
13. *Киселева Л.Н.* Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. С. 3–20. (Учен. зап. Тарт. ун-та; вып. 645).
14. *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.
15. *Земскова Е.Е.* Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
16. *Вортман Р.* Национализм, народность и Российское государство / пер. с англ. О. Майоровой // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17). С. 100–105.
17. *Каменев Е.В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
18. *Миллер А.И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010. С. 42–66.
19. *Бадалян Д.А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб., 2006. С. 108–122.
20. *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.
21. *Лотман Ю.М.* Идеи общественного развития в русской культуре // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4. С. 27–83.

22. *Schierle I.* «Vom Nationalstolze»: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2005–2006. Vol. 64. P. 63–85.

23. *Попов А.Н.* Эпизоды из истории 1812 года. Граф Ростовичин – Сперанский – Шишков // *Русский архив*. 1892. № 8. С. 399–418.

24. *Martin A.M.* *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I.* DeKalb, 1997. P. 15–38.

25. *Альшиуллер М.Г.* Александр Семенович Шишков // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия*. Воронеж, 2005. С. 19–92.

26. *Альшиуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 337–365.

27. *Лейбов Р.Г.* 1812 год: две метафоры // *Труды по русской и славянской филологии*. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. 2. С. 68–104.

28. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 50–80.

29. *Яхин Р.Х.* Политические и правовые взгляды декабристов Северного Общества. Казань, 1964. С. 17–43.

30. *Окунь С.Б.* Декабристы. М., 1972. С. 5–26.

31. *Никандров П.Ф.* Революционная идеология декабристов. Л., 1976. С. 11–39.

32. *Федоров В.А.* Декабристы и их время. М., 1992. С. 37–52.

33. *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 286–292.

34. *Киселева Л.Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // *Лотмановский сборник*. Вып. 2. М., 1997. С. 279–303.

35. *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // *Новое литературное обозрение*. 2003. Т. 63. С. 186–204.

36. *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки // *Проблемы литературной типологии и исторической преемственности*. Тарту, 1981. С. 52–72. (Учен. зап. Тарт. ун-та; вып. 513. = *Труды по русской и славянской филологии*. XXXII. Литературоведение).

37. *Martin A.M.* The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's *Russian Messenger* (1808–1812) // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57, № 1. P. 28–49.

38. *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 154–156.

39. *Cherniavsky M.* *Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New Haven and London: Yale University Press, 1961. P. 128–136.

40. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1987. С. 135–136.

41. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 99–110.